

Квасова Ольга Григорьевна

Kvasova Olga Grigoryevna

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологической помощи
и ресоциализации факультета психологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

PhD in Psychology, Associate Professor,
Psychological Aid
and Resocialization Subdepartment,
Psychology Department,
Lomonosov Moscow State University

СМЫСЛОВОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

MEANING MEDIATION OF SPACE-TIME CHARACTERISTICS OF AN EXTREME SITUATION BY PERSONALITY

Аннотация:

В статье произведен эмпирический и теоретический пересмотр классических экспериментов Э.Дж. Делонга и Д. Бобко о характере пространственно-временных соотношений в оценке длительности временных интервалов. Предлагается трактовка смыслового опосредования экстремальной по своему значению для человека ситуации, которая определяет субъективную оценку длительности коротких временных интервалов. Полученные данные развивают идею культурного опосредования пространственно-временных отношений (М. Бахтин, В. Зинченко, М. Магомед-Эминов, С. Рубинштейн, Ю. Стрелков, Н. Толстых, А. Ухтомский и др.), дополняют положения теории содержательной трактовки восприятия времени (П. Фресс, Б. Цуканов), расставляют акценты в предположениях о замедлении временных интервалов, заполненных неприятными переживаниями, и ускорении интервалов с приятным содержанием. Представленное исследование развивает сферическую модель времени и концепцию работы личности со своим темпоральным опытом как конструирование темпоральной идентичности, опосредованной культурно-историческим опытом живого уникального человека (М. Магомед-Эминов).

Ключевые слова:

хронотоп, смысловое опосредование, темпоральность, пространственно-временные характеристики, экстремальная ситуация, работа личности.

Summary:

The paper presents the empirical and theoretical revision of the classical experiments of A.J. DeLong and D. Bobko on the nature of space-time relations while estimating the duration of time intervals. The author proposes the novel interpretation of meaning mediation of the extreme situation significant for human life that determines the subjective assessment of the duration of short time intervals. The data obtained develop the idea of cultural mediation of space-time relations (M. Bakhtin, V. Zinchenko, M. Magomed-Eminov, S. Rubinstein, Yu. Strelkov, N. Tolstykh, A. Ukhtomsky and others), supplement the theory of the meaningful interpretation of the perception of time (P. Fraisse, B. Tsukanov), put the emphasis on the assumptions about slowing down time intervals filled with unpleasant experiences and speeding up intervals with pleasant content. This research develops a spherical model of time and the concept of personality work of the individual with his temporal experience as the construction of temporal identity mediated by the cultural and historical experience of a living unique person (M. Magomed-Eminov).

Keywords:

chronotope, meaning mediation, temporality, space-time characteristics, extreme situation, personality work.

Соотношение пространства и времени рассматривается нами не как формальная связь характеристик восприятия, а как проявление активной работы личности по конструированию жизненных отношений, смыслов [1].

Пространственно-временные характеристики ситуации, их взаимосвязь вызывают интерес у исследователей в области физики, астрономии, философии, психологии, лингвистики. Проводимые в рамках темы научные изыскания показывают сложность феномена, попытки его междисциплинарного изучения и наличие по-прежнему сложных и противоречивых предположений и моделей.

По мнению ученых последнего пятилетия, время может быть рассмотрено через область пространства, что отражается в использовании языка. Часто в европейских языках говорится о времени в пространственных терминах («Я вернусь в течение короткого времени»), а о пространстве – во временных терминах («Я в пяти минутах от Вашего дома»). Ряд исследований показал, что эти языковые выражения отражают более глубокий концептуальный мост между временем и пространством [2].

Эффект концептуальной конгруэнтности [3] был истолкован как свидетельство идеи о том, что представления об абстрактных концептуальных измерениях (например, мощностях, аффективных валентностях, времени, числах, значениях) основываются на более конкретных параметрах, характеристиках (например, пространстве, яркости, весе). Однако альтернативное теоретическое объяснение на основе понятия, свидетельствующее о полярной связи в области так называемой валентной морали, может быть связано с вертикальным пространством, символически обозначающим,

что, например, хорошие вещи находятся наверху. Теория концептуальной метафоры (*conceptual metaphor theory*), или асимметричной пространственной метафоры, утверждает, что взаимодействия между областями, пространствами являются проявлениями асимметричных сопоставлений, которые используют репрезентации пространства для структурирования числа и времени [4].

Соотношение пространства и времени в экстремальных условиях – крайне актуальная прикладная проблема, например применительно к выживанию космонавтов в условиях космических полетов. Она включает в себя вопрос предсказания характера психического реагирования личности в ограниченном пространстве [5], затрагивает параметры временной перспективы в экстремальных ситуациях [6].

В ходе экспериментального исследования пространственно-временных параметров экстремальной ситуации решалась задача проверки предположения о смысловой детерминации восприятия длительности как ключевой характеристики времени в условиях различных пространственных параметров, а также проверки конкурирующих гипотез о линейном движении времени, языковых моделях восприятия пространственно-временных отношений, когнитивных детерминантах.

Мы основывали свои предположения на классических идеях П. Фресса о восприятии длительности в зависимости от степени переживаемого удовольствия [7], представлениях о содержательных характеристиках в восприятии дискретности временных интервалов М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, А.А. Ухтомского [8] и современных авторов, развивающих эти идеи. Так, например, в исследовании, проведенном в контексте развития теории диалогической самости, показано, каким образом символическое опосредование культурой и двойственность критических событий становятся важными составляющими динамики восприятия времени диалогической самостью [9].

Идея единства пространства и времени в хронотопе тем или иным образом развивалась в работах А.К. Болотовой, В.П. Зинченко, Н.Н. Толстых, Ю.К. Стрелкова [10] и ряда других авторов, которые также постулировали положения о мотивационно-личностном опосредовании в восприятии временных интервалов [11], что конкретизирует наши предположения.

Современные авторы, развивая философскую традицию отечественной науки, отмечают необходимость уточнять представления о том, как культура оформляет пространственно-временные отношения и восприятия, указывая на культурные коды в восприятии пространственно-временных соотношений. Например, социологические теории Г. Зиммеля [12] снова привлекли внимание исследователей экологической психологии в целях интеграции времени и пространства в контексте временной и целевой ориентации (коллективистических и индивидуалистических ценностей).

Мы попытались проверить когнитивные предположения о соотношении пространственно-временных параметров в необычной для человека ситуации, основываясь на работах о восприятии временных интервалов в зависимости от их наполненности и пустоты [13]. Э.Дж. Делонг экспериментально демонстрировал феномен связанности и зависимости пространственно-временных характеристик от размеров оперируемых объектов [14]; а Д. Бобко показал, что размер экрана опосредует восприятие длительности временного интервала [15].

Мы провели исследование, в котором оценивалась длительность временных промежутков (по аналогии с классическими экспериментами Б.И. Цуканова на оценку переживания длительности коротких временных интервалов [16]). Переменными были экспериментально задаваемые: 1) пространственные ограничения и 2) степень свободы в темпоральном членении интервалов (одна из характеристик временной перспективы, определяемая самим человеком или создаваемая другим человеком в режиме неожиданного прерывания свободного нахождения в том или ином пространстве).

В исследовании участвовало 36 человек (16 мужчин, 20 женщин) – выпускников вузов (от 22 до 34 лет) различных специальностей. Предварительно с испытуемыми проводилось полуструктурированное интервью для выявления трех значимых травматических ситуаций, произошедших в их жизни. По результатам оценки экспертов, в группе были оставлены те люди, для которых значимые экстремальные ситуации являлись ситуациями недиагностируемыми как посттравматические, которые не создавали устойчивой дезадаптации и не соответствовали категориям ПТСР. Данный факт свидетельствовал о том, что это обычные люди, которые будут поставлены в необычные условия (пространственные – через ограничение или свободу оперирования пространством для действия и временные – свободное определение границ временного интервала или неожиданное, непредсказуемое ограничение времени для действия экспериментатором), могущие менять восприятие субъективного смысла ситуации людьми, их поведение в ней, переживание и оценку длительности коротких временных интервалов.

Категории ограничения возможностей измерялись с помощью контент-анализа и экспертных оценок самоотчетов испытуемых по следующим критериям: а) ограничение (наличие границы, пределов, зажимов, зажатости, несвободы) в отличие от свободы; б) негативность восприятия ситуации (отказ от действия, разрушение, дезорганизация, негативные эмоции, исчезновение, утрата чего-либо) в отличие от позитивности; в) статичность (неподвижность, скованность,

сдерживание) в отличие от экзатичности (полета, свободы, самовыражения); г) выход из ситуации (избегание) в отличие от вовлеченности в нее; д) пассивное наблюдение и пребывание в ситуации в отличие от активного действия, преодоления.

Категории ограничения возможностей оказались значимо выше у испытуемых, получивших инструкцию свободного перемещения в пространстве, чем у испытуемых, которые двигались по определенному ограниченному пространству квадрата. Различия обнаружены по критериям: «свободное перемещение» и «ограниченное пространство», по которому вынуждены были перемещаться испытуемые (на уровне значимости $p < ,059$); «неограниченные возможности» ($p < ,000$); «экзатичность» ($p < ,000$); «негативное восприятие ситуации» ($p < ,025$); «позитивный полюс» ($p < ,000$); «вовлеченность в ситуацию» ($p < ,000$) и «выход из нее» ($p < ,000$); «пассивное созерцание» ($p < ,000$) и «активное действие» ($p < ,000$). При этом оценка длительности интервала в первом случае (у испытуемых, получивших инструкцию свободного перемещения в пространстве) была почти точной, а во втором, при ограничении пространства, – в 2 или в 3 раза превышала реальный временной интервал длительностью в минуту.

У испытуемых, которые сами отсчитывали время интервала, оценки длительности нарушались в сторону удлинения при пространственных ограничениях. Когда временной интервал отсчитывался экспериментатором, оценка длительности интервала при ограничении пространства укорачивалась. Для испытуемых, с которыми по инструкции контроль времени не оговаривался и движение которых по пространству по хронометру останавливал экспериментатор, значимо различались параметры оценок смысла события в двух ситуациях: свободного перемещения и ограниченного квадратом по категориям «ограничение возможностей» ($p < ,000$) и «отсутствие ограничений» ($p < ,000$); «негативное восприятие ситуации» ($p < ,025$) и «позитивное восприятие ситуации» ($p < ,000$); «пассивное созерцание» ($p < ,025$) и «активное действие» ($p < ,000$).

Выводы, которые мы сделали из наших предварительных данных, позволяют предположить, что там, где потенциальная возможность свободного действия исчезала и на испытуемого накладывались временные ограничения (ограничителем становился экспериментатор), менялось восприятие длительности временного интервала при изменении возможностей свободного нахождения в пространстве.

Полученные результаты дают возможность полагать, что скорее смысл ситуации детерминирует переживание темпоральности, длительности, чем существует непосредственная связь пространственных характеристик и оценки коротких временных интервалов. Данный вывод отличается от итогов экспериментов Д. Бобко и Э.Дж. Делонга, согласно которым темпоральная оценка зависит от величины пространства и при уменьшении пространственных размеров увеличивается субъективное восприятие длительности временного отрезка.

Пространственные характеристики для нас выступили лишь символическим репрезентантом ограниченных потенциалов для самоосуществления в ситуации, воспринимаемой как негативная, стрессовая, экстремальная. В дальнейших экспериментах мы планируем проверить, какие личностные параметры, устойчивые мотивационно-личностные диспозиции также могут опосредовать восприятие длительности в экстремальной по своему смыслу ситуации. В проверке также нуждается характеристика ограничения пространства. Так, символическое ограничение свободы перемещения для испытуемых в виде квадрата дало значимые различия в оценке испытуемыми смысла ситуации как негативной, ограничивающей свободу, потенциальных возможностей для действия, а ограничение передвижения в виде узкого коридора не привело к таким результатам. Можем лишь предположить, что коридор, в отличие от квадрата, сохранял параметр «символической перспективы», а квадрат не имел даже этой минимальной степени свободы.

Экспериментальная ситуация послужила моделью для понимания переживания времени в экстремальной ситуации. Смоделированная экстремальная ситуация обладает всеми теми же характеристиками, что и жизненная экстремальная, стрессовая ситуация. Такой, например, выступает ситуация выпускного государственного экзамена (ЕГЭ) для школьников. Как и смоделированная нами, она соответствует критериям экстремальной, травматической по следующим признакам: 1) неопределенности, несущей ограничение времени, пространства, тем самым возможностей, потенциалов для самореализации, ограничение свободы (пусть и символическое), часто неясности критериев заданий, поведения; 2) неожиданности последствий и стрессовых факторов ситуации; 3) наличию потенциальной угрозы (неуспеха, провала, крушения жизненных перспектив), физической или моральной фрустрации, включая отбирание личных необходимых вещей; 4) сужению, сокращению или замедлению временной перспективы, искажению, деформации восприятия события в соответствии с тем смыслом, который она несет для человека в данный момент.

Предварительные выводы исследования позволяют уточнить параметры ситуации, которые можно контролировать в экстремальных условиях деятельности, жизненных испытаний, а также могут быть использованы при планировании тактик и стратегий психологической помощи людям, переживающим утрату, горе, различные психологические последствия экстремальных жизненных ситуаций.

Ссылки:

1. Магомед-Эминов М.Ш.: 1) Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 53 с. ; 2) Позитивная психология человека : в 2 т. М., 2007.
2. Cai Zh.G., Connell L. Space-Time Interdependence: Evidence Against Asymmetric Mapping Between Time and Space // *Cognition*. 2015. Vol. 136. P. 268–281. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.11.039>.
3. Bender A., Beller S. Mapping Spatial Frames of Reference onto Time: A Review of Theoretical Accounts and Empirical Findings // *Cognition*. 2016. Vol. 132. P. 342–382. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.03.016> ; Santiago J., Lakens D. Can Conceptual Congruency Effects Between Number, Time, and Space Be Accounted for by Polarity Correspondence? // *Acta Psychologica*. 2015. Vol. 156. P. 179–191. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.09.016>.
4. Winter B., Marghetis T., Matlock T. Of Magnitudes and Metaphors: Explaining Cognitive Interactions Between Space, Time, and Number // *Cortex*. 2015. Vol. 64. P. 209–224. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2014.10.015>.
5. Bender A., Beller S. Op. cit.
6. Zimbardo P.G., Sword R., Sword R. The Time Cure: Overcoming PTSD with the New Psychology of Time Perspective Therapy. N. Y., 2012. 336 p.
7. Фресс П., Пиаже Ж. Восприятие и оценка времени // *Экспериментальная психология / ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже*. М., 1978. Вып. 6. С. 88–130 ; Fraisse P. *The Psychology of Time*. Westport, 1963. 343 p.
8. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М., 1975. С. 234–407 ; Квасова О.Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации : дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 214 с. ; Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. М., 2015. 705 с. ; Ухтомский А.А. *Доминанта*. СПб., 2002. 448 с.
9. Raggatt P.T.F. The Dialogical Self as a Time-Space Matrix: Personal Chronotopes and Ambiguous Signifiers // *New Ideas in Psychology*. 2014. Vol. 32. P. 107–114. <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2013.05.007>.
10. Болотова А.К. Время и пространство в межличностных отношениях // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9, № 3. С. 22–36 ; Зинченко В.П. Человек в пространстве времен // *Развитие личности*. 2002. № 3. С. 23–50 ; Стрелков Ю.К. *Инженерная и профессиональная психология : учебное пособие*. М., 2001. 359 с. ; Толстых Н.Н. *Хронотоп: культура и онтогенез*. М., 2010. 312 с.
11. Гусев А.Н., Уточкин И.С. *Психологические измерения: теория, методы : учебное пособие*. М., 2011. 319 с.
12. Sullivan D., Stewart Sh.A., Diefendorf J. Simmel's Time-Space Theory: Implications for Experience of Modernization and Place // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. Vol. 41. P. 45–57. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.11.003>.
13. Квасова О.Г. Указ. соч.
14. DeLong A.J. Phenomenological Space-Time: Toward an Experimental Relativity // *Science*. 1981. Vol. 213, iss. 4508. P. 681–683. <https://doi.org/10.1126/science.7256273>.
15. Bobko D.J., Bobko Ph., Davis M.A. Effect of Visual Display Scale on Duration Estimates // *Human Factors*. 1986. Vol. 28, iss. 2. P. 153–158. <https://doi.org/10.1177/001872088602800203>.
16. Цуканов Б.И. *Время в психике человека*. Одесса, 2000. 217 с.

References:

- Bakhtin, MM 1975, 'Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics', in *Issues of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years*, Moscow, pp. 234-407, (in Russian).
- Bender, A & Beller, S 2016, 'Mapping Spatial Frames of Reference onto Time: A Review of Theoretical Accounts and Empirical Findings', *Cognition*, vol. 132, pp. 342-382, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.03.016>.
- Bobko, DJ, Bobko, Ph & Davis, MA 1986, 'Effect of Visual Display Scale on Duration Estimates', *Human Factors*, vol. 28, iss. 2, pp. 153-158, <https://doi.org/10.1177/001872088602800203>.
- Bolotova, AK 2012, 'Time and Space in Interpersonal Relationships', *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, vol. 9, no. 3, pp. 22-36, (in Russian).
- Cai, ZhG & Connell, L 2015, 'Space-Time Interdependence: Evidence Against Asymmetric Mapping Between Time and Space', *Cognition*, vol. 136, pp. 268-281, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.11.039>.
- DeLong, AJ 1981, 'Phenomenological Space-Time: Toward an Experimental Relativity', *Science*, vol. 213, iss. 4508, pp. 681-683, <https://doi.org/10.1126/science.7256273>.
- Fraisse, P 1963, *The Psychology of Time*, Westport, 343 p.
- Fraisse, P & Piaget, J 1978, 'Perception and Time Evaluation', in *Experimental Psychology*, Moscow, vol. 6, pp. 88-130, (in Russian).
- Gusev, AN & Utochkin, IS 2011, *Psychological Measurements: Theory, Methods: a Study Guide*, Moscow, 319 p., (in Russian).
- Kvasova, OG 2013, *Transformation of the Time Perspective of the Individual in an Extreme Situation*, PhD thesis, Moscow, 214 p., (in Russian).
- Magomed-Eminov, MSh 2007, *Positive Human Psychology*, in 2 vols, Moscow, (in Russian).
- Magomed-Eminov, MSh 2009, *Activity-Semantic Approach to the Psychological Transformation of the Personality*, D.Phil. thesis abstract, Moscow, 53 p., (in Russian).
- Raggatt, PTF 2014, 'The Dialogical Self as a Time-Space Matrix: Personal Chronotopes and Ambiguous Signifiers', *New Ideas in Psychology*, vol. 32, pp. 107-114, <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2013.05.007>.
- Rubinstein, SL 2015, *Basics of General Psychology*, Moscow, 705 p., (in Russian).
- Santiago, J & Lakens, D 2015, 'Can Conceptual Congruency Effects Between Number, Time, and Space Be Accounted for by Polarity Correspondence?', *Acta Psychologica*, vol. 156, pp. 179-191, <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.09.016>.
- Strelkov, YuK 2001, *Engineering and Professional Psychology: a Study Guide*, Moscow, 359 p., (in Russian).
- Sullivan, D, Stewart, ShA & Diefendorf, J 2016, 'Simmel's Time-Space Theory: Implications for Experience of Modernization and Place', *Journal of Environmental Psychology*, vol. 41, pp. 45-57, <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.11.003>.
- Winter, B, Marghetis, T & Matlock, T 2015, 'Of Magnitudes and Metaphors: Explaining Cognitive Interactions between Space, Time, and Number', *Cortex*, vol. 64, pp. 209-224, <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2014.10.015>.
- Tolstyh, NN 2010, *Chronotope: Culture and Ontogeny*, Moscow, 312 p., (in Russian).
- Tsukanov, BI 2000, *Time in the Human Psyche*, Odessa, 217 p., (in Russian).
- Ukhtomsky, AA 2002, *Dominant*, St. Petersburg, 448 p., (in Russian).
- Zinchenko, VP 2002, 'Man in the Space of Time', *Razvitiye lichnosti*, no. 3, pp. 23-50, (in Russian).
- Zimbardo, PG, Sword, R & Sword, R 2012, *The Time Cure: Overcoming PTSD with the New Psychology of Time Perspective Therapy*, New York, 336 p.